

*Современный мир с точки зрения теоремы Томаса
(к постановке вопроса)*

Абрам Клецкин,
член правления «Балтийского форума»

Много лет назад я прочитал фразу одного немодного в наше время автора, по имени Фридрих Энгельс, и эта фраза запомнилась. Звучала она примерно так: «История развивается таким образом, что каждый борется за свои интересы, а в результате получается то, чего никто не хотел». Тогда она мне показалась просто остроумной, но со временем, особенно за последние 15-20 лет, выяснилось, что она по большому счету, к тому же, имеет глубокий смысл.

Ну, кто в конце 80-х и начале 90-х, независимо от того, был ли он за или против перемен, выгадал он на этом или проиграл, мог себе представить, что мир будет таким, каким мы его видим сегодня? Горбачев? Рейган с Клинтон? Петерс? Участники баррикадных дней? Перечисление может быть бесконечным. Но главное – как они, т.е. все мы – современники и участники этих событий – отвечаем себе на вопрос: ты этого хотел, ты именно об этом мечтал?

Чтобы не было недоразумений, сразу скажу – я и тогда был за перемены, и нет никаких сомнений в том, что и с сегодняшним опытом поступил бы точно также. По-настоящему тревожит даже не столько то, что все получилось не совсем так или даже совсем не так, как думалось и мечталось, сколько то, что все это как будто никого уже, по крайней мере, в эшелонах власти по-настоящему не интересует – было и прошло. Как будто для них нет прошлого, а горизонт будущего не простирается дальше ближайших выборов.

Про французских аристократов, вернувшихся к власти в посленаполеоновскую эпоху, говорили, что они ничего не забыли и ничему не научились. Пришедшие ныне к власти, наоборот, все забыли о том, кто и для чего привел их во власть, но тоже ничему не научились. Моя цель вовсе не в том, чтобы еще раз повторить надоевший уже всем тезис, что во всем виноваты политики. К сожалению, они виноваты не больше, чем те, кто их усердно ругает и, несмотря на это, каждый раз снова выбирает во власть, т.е. мы с вами, не чувствуя при этом никакой своей вины и ответственности за содеянное. И дело опять-таки не в том, чтобы свалить вину на общество. Да и вряд ли могло получиться иначе. Потому что демократия процесс долгий, можно сказать, бесконечный.

Существует старинное поверье, в соответствии с которым, в Риге каждый год на Лиго из вод Даугавы звучит голос: «А Рига уже готова (в смысле построена)?». И если только ответ будет положительный, город тут же уйдет под воду. Нам до времени, когда демократия будет «готова», т.е. будет не только в законах, но и в образе наших мыслей и поступков, еще идти и идти. Но наше политическое руководство уже провозглашает, что Латвия настолько продвинулась в строительстве демократии, что хоть сейчас готова научить этому делу и Молдавию, и Украину, и Грузию и, особенно, Беларусь, но она пока еще об этом не просит. Между прочим, это было бы вполне полезно, если бы речь шла об опыте Латвии, но речь-то идет об успехах...

Я хотел бы вам, коллеги, предложить, небольшой эксперимент. Сначала представлю вашему вниманию довольно длинную цитату: «Эти элиты используют такие институциональные элементы демократии, как политические партии, выборы и разнообразные масс-медиа, но с единственной целью: помочь сохранить власть тем, кому она принадлежит. Выборы проводятся регулярно, но они не создают возможности для смены власти, они служат только для ее легитимизации (...). Здесь цель не только утвердить монополию власти, но и монополизировать соревнование на ее поле.» А теперь, скажите, пожалуйста, как вы думаете, о какой стране идет речь?

Это цитата из статьи ««Дублеры» демократии», и принадлежит она недавнему гостю Риги, председателю Центра либеральных стратегий в Софии, научному директору проекта «Политические последствия антиамериканизма» Центра политических исследований Центрально-европейского университета в Будапеште Ивану Крастеву, и говорит он о России и ее управляемой демократии. Не могу сказать, что я большой поклонник того, что называют «управляемой демократией». Думаю, что в зале достаточно людей, которые разбираются в ней лучше меня. Но скажите, дорогие мои латвийские коллеги, что в этом тексте никак нельзя отнести к нашим латвийским реалиям?

Мы с Россией соседи, но далеко не близнецы. Как же так получилось, что то, в чем Крастев справедливо или несправедливо упрекает Россию, по крайней мере, не противоречит тому, что мы наблюдаем здесь, дома? Может быть, мы относимся к тем, кто не способен увидеть в собственном глазу бревно? А, может быть, способен, только не догадывается посмотреть?

Мне этот вопрос представляется достаточно важным, чтобы на нем остановиться подробнее. Все исследования, проводившиеся в Латвии с середины девяностых годов и до настоящего времени, свидетельствуют о постоянно растущем отчуждении общества от власти, угрожающем превращением трещины между ними в пропасть. Индивид все более утверждает в том, что от него в его стране ничего не зависит, и никто не защищает его интересы. Подобные же процессы наблюдаются на всем постсоветском, да и постсоциалистическом пространстве. Нельзя сказать, чтобы это было тайной, что называется, «за семью печатями». Но ведь, по сути, это означает – не больше и не меньше, – что на этом пространстве, на деле, происходит движение не к демократии, а от нее. Ведь если из линкольновского определения демократии как власти, исходящей от народа, осуществляемой вместе с народом и на благо народа, выпадает среднее звено – реальное участие народа в управлении, то о какой демократии можно всерьез говорить?

Почему же это не вызывает крайней тревоги и острого желания что-то предпринять, если, по понятным причинам, не у правящей элиты, то у наших, так гордящихся своей приверженностью свободе слова, масс-медиа, да и у самого общества? Почему в России такие тенденции многим, живущим от нее к западу, представляются очевидными, а у себя дома они же, пусть менее и по-другому выраженные – нет?

И тут бы мне хотелось обратиться к так называемой теореме американского социолога Уильяма Томаса, которую он сформулировал еще в 1928 году: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны и по своим последствиям». Другими словами, если люди принимают нечто за реально существующее, то они и действуют по отношению к нему как к реально

существующему. Если, скажем, поздно ночью навстречу идет некто, то мое поведение определяется не тем, что он собой представляет на деле, а тем, каким он мне показался.

А людям и их разнообразным сообществам, как известно, свойственно видеть себя и «своих» с лучшей стороны, а чужих, соответственно, наоборот. Кто не помнит великую по своему цинизму фразу: «Он, конечно, подонок, но наш подонок»? Значит, дело в том, кого мы назначаем в свои, а кого – в чужие. Вот мы вступили в ЕС и НАТО, а это главные клубы западных демократий. Значит мы уже по определению кто? Правильно, подлинная демократия. А кто несогласен, так это просто «не наши», и чего от них ждать?

К сожалению, нам случилось присоединиться к западным демократиям в тот момент, когда они сами переживают весьма сложный, если не сказать – кризисный момент в своем существовании. Перемены 90-х годов были неправильно оценены наиболее влиятельной частью западного и, прежде всего, американского истеблишмента как победа в холодной войне. Между тем Советский Союз, если бы не перестройка, мог не развиваться, но продолжать прозябать еще годы и годы и исчезнуть, прихватив с собой еще полмира. Следствием было то, что с Россией обошлись как потерпевшей поражение и, к тому же, вместо того, чтобы ее возможно быстрее и полнее включить в мировое сообщество, как поступили с Германией после разгрома нацизма, стали при внешней дружелюбности вести игру на ее ослабление.

Но даже не это было основным стратегическим просчетом. США, став, по собственному убеждению, вместе со своими союзниками единственной реальной силой на мировой арене, для чего как будто были все основания, решили осуществить свою историческую миссию и обеспечить победу демократии и свободного рынка на всей планете. Когда я говорю об исторической миссии, я отнюдь не иронизирую. Думаю, что мечта облагодетельствовать человечество, была и для некоторых остается искренней. Поэтому таким шоком для них оказалось то, что облагодетельствованные не только не выразили свою глубокую благодарность, но ответили кровавым нескончаемым террором.

Можно сказать, что с лидерами демократического мира плохую шутку сыграла уже упомянутая теорема Томаса: они представили себе, что то, что хорошо для них, то хорошо и для всего человечества. А между тем, это далеко не так. Представление о благе, о смысле жизни, сами системы ценностей не просто различны, каждая из этих систем изначально исходит из того, что она единственно верная. Человечество уже это неоднократно проходило. Вспомним хотя бы историю религий. Когда говорят об общечеловеческих ценностях, таких, как добро, справедливость, свобода и, кстати, демократия (сейчас столько приходится слышать о преимуществах исламской демократии!), то мы должны помнить, как по-разному, порой совершенно противоположно они интерпретируются.

Но еще более катастрофично по возможным последствиям не то, что не учитывается разнообразие мира и систем ценностей, а то, что грубо нарушаются собственные, огромными жертвами и трагическим опытом выработанные ценности. Прежде всего, та, что демократия не может насаждаться силой и, особенно, силой оружия. Крестовый поход за демократию, к которому, не вникнув в смысл, призывал после 11 сентября президент Буш, – нонсенс. Правда, выражение «крестовый поход» было быстренько изъято из политического

лексикона, но оговорка-то совершенно в духе Фрейда. Уж очень все это напоминает слоганы советских времен – «Кто не с нами, тот против нас», «Мы вас научим свободу любить», «Не можешь – поможем, не умеешь – научим, не хочешь – заставим!».

Надеюсь, что все мной сказанное не будет воспринято как нечто огульно критическое – антилатвийское, антироссийское, антиевропейское или антиамериканское. Смысл совершенно в другом. Не в первый раз в истории человечества благими намерениями мостят дорогу в ад. Однако в наши дни, когда не только появляются, но и все доступнее становятся возможности, угрожающие самому существованию человечества, эта дорога может привести в небытие все живое на земле. Поэтому нельзя больше жить по теореме Томаса, нужно жить и действовать в соответствии с действительностью, а не с нашими представлениями о ней.

Есть такое латышское присловье – «Не в первый раз с трубкой на крыше!». Так говорят, когда хотят подчеркнуть свою опытность и глубокое понимание дела. Во времена соломенных крыш раскуривать на них трубку, да еще при ветре – дело в высшей мере рискованное. Но ведь то, что ты такой дока, еще не означает, что в тоже самое время на другой крыше не сидит тоже некто вроде тебя и что с его крыши все видно по-другому.

История больше не может делаться по Энгельсу, чем больше глобализуется мир, тем в большей степени биться за свои интересы, в конечном счете, означает бороться за интересы общие.

Линкольновская формула демократии в глобальном мире – это власть от человечества, вместе с человечеством и на благо человечества. Если это не будет понято и не станет основой для решений и действий, это грозит бедой.

В таком относительно кратком выступлении невозможно показать проблему в ее подлинной сложности и привести все необходимые доводы. Но, может быть, в данном случае это не самое важное. Гораздо важнее пытаться вызвать дискуссию о необходимости изменить ракурс размышлений о мире, от ставшего столь привычным прагматического взгляда перейти к анализу его соответствия тем ценностям, которые мы провозглашаем и которых, как нам кажется, добиваемся.

РИГА, 24 МАЯ 2006 ГОДА